

Бжжлесиаств, древний мудрец, живший за полтысячелетия до Рождества Христова и написавший самую пронзительную книгу Ветхого Завета, заметил о человеке: «Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит» (Еккл. 5, 14). На земле же люди неотделимы от одежды: согревают и украшают их облачения «во вся дни», от пелёнок до савана (саван - род длинной рубахи, в которой на Руси хоронили умерших). И если человек как бы сросся с одеждой, то и одежда «вросла» во многие обряды и обычаи, бытовавшие в старину и, в редких случаях, дожившие до наших дней.

Именно в редких: ну что можно вспомнить сегодня? Приметы: если наденешь рубашку наизнанку - быть биту; споткнулся на правую ногу - к худу, на левую - к добру. Обычай снимать перчатки, здороваясь за руку. Привычку обнажать голову при входе в храм или в дом (американцы снимают головные уборы и в лифте: что ж, кто чему поклоняется, перед тем и шапку снимает).

Многие обряды, связанные с одеждой, дошли до нас лишь в поговорках, пословицах, присказках. «Он шапку перед ним ломает», - говорим мы о человеке, заискивающем перед начальством, хотя никакой шапки у того нет и в помине. То есть в помине она-то как раз и есть. Память народа сохранила во фразеологизмах - устойчивых словосочетаниях - то, что когда-то существовало в повседневной жизни, а ныне осталось только в присказках. «Она опростоволосилась», - сожалеют об оплошавшей в каком-либо деле женщине, и мы совсем не связываем услышанное с волосами. А ведь в старину «опростоволоситься» - значит опозорить себя снятием на людях головного убора: женщине не позволялось обнажать волосы.

Незнание старины иногда и вовсе ставит в тупик - при отгадывании древних загадок, например. Сейчас загадки - детская забава; в незапамятные же времена бытовали родовые обряды испытания мудрости в переломные для человека моменты жизни. На свадьбе невеста жениху загадывала загадку: «Днём, как обруч, ночью, как уж. Кто отгадает, будет мне муж», и он, пока не отгадает, не мог сесть рядом с ней. Для юноши XVIII века сия загадка не представляла труда: он знал, что только ему дозволено распоясать невесту (пояс днём - как обруч, обвившийся вокруг стана; ночью - как уж, лежащий комочком или растянутый на лавке).

Череда обрядов и обычаев и составляла повседневную жизнь. Чтобы познакомиться хотя бы с теми, что связаны с одеждой, и то книги не хватит. Ограничимся кругом, очерченным пословицей: «Человек трижды дивен бывает: когда родится, когда женится и когда умирает». Действительно, три главных события в жизни любого человека привлекают внимание его друзей, соседей, односельчан. Приглядимся и мы к тем обрядам, которыми сопровождалась родина, венчание и похороны.

Кто не слышал выражения «родился в рубашке?» Так и доньше говорят о человеке везучем, выходящим сухим из воды в разных передрыгах. Конечно, сухим - в переносном смысле слова. Так же образно и выражение «родиться в рубашке», ибо то, что называют рубашкой, и отдалённо не напоминает её: она - просто оболочка, из которой и извлекают младенца. Случаи рождения в «рубашке» чрезвычайно редки, что и дало повод считать их обладателей счастливыми. В Костромской губернии ещё в начале XX века, вплоть до 50-х годов, «сорочку» засушивали и носили на кресте «для счастья», мать сохраняла её и дарила потом будущему мужу дочери или жене сына. Если же рождённый в «сорочке» умирал - её клали в гроб с покойником, считая, однако, что благополучие не покинет семью усопшего.

Роды можно было облегчить или затруднить в зависимости от соблюдения или пренебрежения обычаем развязывать на роженице все узлы: на её одежде не должно быть ни одного узла: в угоду этому поверью и косу расплетали, хотя распускать замужней женщине волосы почиталось большим грехом.

При трудных родах роженице «помогали»: повитуха развязывала на себе фартук и вешала его на плечи роженицы - это у белорусов, а в Черниговской губернии муж развязывал воротник у рубахи и гашник у штанов, все девушки в доме распускали косы. В Олонецкой губернии муж, сняв сапог с правой ноги, поил роженицу водой, развязывал ей пояс - считалось, что это ускоряет и облегчает роды. Как и исполнение древнего обряда «кувада» в Смоленской и Могилёвской губерниях: муж одевался в женскую одежду - рубаху, юбку, голову повязывал платком и... стонал во время родов жены. Сочувствие мужа успокаивало роженицу, облегчало её страдания, а вот часто муж, участвующий в куваде,

чувствовал недомогание.

Роженицу нередко заставляли перешагивать через мужа или же через его одежду. Малороссиянка перешагивала через гат (штаны) мужа или же их развешивали около её ног. Во Владимирской губернии при тяжёлых родах роженица утиралась мужниной шубой. Пожалуй, самым распространённым обычаем было скрывание момента родов: чем меньше людей будут знать о них, тем меньше мук претерпит родильница. Роды принимали на гумне, в клуне (молотильном сарае), но чаще всего - в бане.

Перед тем, как идти в баню, роженица просила повитуху: "Бабушка гордая, рука твоя лёгкая, сведи меня, рожонушку, во тёплу парну баенку, в белу умываленку! Вызволи меня, бабушка, от мук и болестей». Родные же, провожая её в баню, пели:

Про тебя баенка топлена,	Нарубили дрова самосушные.
Для тебя изготовлена!	Самосушные, самопальные,
Ещё наша парна баенка	Изукрашена парна баенка
Во сыром бору рублена-строена	Всё цветочками аленькими,
На добрых-то конях вожена...	Аленькими да лазурными.
Истопили мы парну баенку.	Огорожена путь-дороженька
Что без дыму, без чаду-то,	Она белой берёзонькой.
Без кудельной-то копоти.	Растопись, парна баенка!
Наносили воды колодезные,	Разгорись, сыра каменка!

Бабка-повитуха сажала роженицу на банный порог лицом на восток и три раза брызгала ей в лицо «наговорной водой» со словами:

Вода-водица!	Лихие оговоры -
Вода-царица!	Из лиц и кросиц,
Вода-благодарица!	Из ясных очей,
Как течешь, омываешь	Из чёрных бровей,
Красны бережочки,	Из белого тела,
Жёлтые песочки,	Из ретивого сердца,
Пенья и коренья,	Из горячей крови,
Белы каменя,	Тем словам моим ключ и замок,
Так омой рабу Божью!	Крепкий заговор!
Сухватки, призоры,	

Оставшуюся воду повитуха выливала на голову роженице. Потом клала её на полок и начинала растирать, хлестать берёзовым веником, приговаривая: «Идёт красна девка с сухим веником, тушит-гасит банную нечисть - все сухватки и боли! Как у этого веника листки опадут, так и сухватки и боли пропадут». Также она плескала три раза на каменку воду и говорила: «Мою я рабу Божию Марьюшку во жару, во пару! Как идёт из каменки жар, а из дымника пар, так бы сходили бы с рабы Божьей Марьюшки все скорби и боли!»

Когда роды приближались и у роженицы начинались схватки, она произносила молитву (точнее, заговор – прим. Ю.С.):

Стану я, раба Божья Мария, благословясь	Сидит Пресвятая Мати Божья Богородица.
И пойду перекрестясь:	Пресвятая Мати Богородица,
Из избы дверьми, из двора воротами.	Сходи с престола Господня
Выйду я в чистое поле.	И бери свои золотые ключи,
Поклонюсь и помолюсь на восточную сторону.	И у меня, рабы Божьей, отпирай мясные ворота
На той восточной стороне	И выпускай младенца на свет
стоит престол Господень.	И на Божью волю!
На том престоле Господнем	Во веки веков. Аминь!

После родов женщина прятала волосы под головной убор, а повитуха вывешивала у бани её рубашку, оповещая соседей, что роды кончились и мать с ребёнком можно навещать. Родные и соседи, пришедшие поздравить родителей (обряд сей назывался «отведки», «наведки», «провидки») приносили что-нибудь «на зубок» - продукты, одежду, ткань... На крестины приглашалась вся деревня, но ходили в церковь, как правило, только близкие и друзья родителей малыша.

Новорождённого заворачивали в отцовскую рубашку (обряд этот был если и не повсеместным, то, во всяком случае, широко распространённым). Бабушки-няньки стремились тем самым обеспечить малышу отцовскую любовь и привязанность, а уложив младенца на косматый тулуп, считали, что он вырастет богатым (на расстеленную шерстью вверх шубу клали ребёнка и после крещения). Белорусы полагали: если рубашку, в которой крещено первое дитя, надевать по очереди на всех его последующих братцев и сестричек у купели, то все полюбят друг друга.

Отцовская рубашка, в которую пеленали ребёнка, снималась с плеча - стирать её не полагалось: «тогда омоется отцовская любовь». Брали ношеное бельё и из практических соображений - новая одежда жёстче ношеной, к тому же не надо тратить на пелёнки. Н. Я. Никифоровский, исследователь быта славян, в 1897 году высказал предположение, что на пелёнки рвали обноски близких родных, дабы

ребёнок непременно унаследовал положительные качества родственников.

Обычно новорождённого не одевали в свою рубашку до крещения, а держали в пелёнках. Перед крещением же повивальная бабка купала ребёнка, завёртывала его в «мужинскую» рубаху, завязав в рукав хлеб-соль - «чтобы с ребёнком ничего не случилось». Малороссыяне заворачивали мальчика в отцовскую, а девочку - в мамину сорочку, после чего повитуха передавала младенца куму, а тот - куме. Мальчика передавали на пороге, девочку - через гребень, после чего шли в церковь крестить. Порог и гребень символизировали пожелание мальчику стать хозяином, а девочке — пряхой.

В восприемники приглашали кого-нибудь из близких родных или хороших знакомых, но когда прежде рождавшиеся дети умирали, то, чтобы крещаемый не умер, зазывали в кумовья первого встречного. Делалось это так. Отец ребёнка выходил на улицу и, увидев кого-либо, обращался к нему (или к ней) со словами: «Пойди, введи младенца в православную веру». Отказов почти не бывало, хотя звание крёстного отца или крёстной матери влекло кое-какие затраты: кум покупал для младенца крестик, приносил свой хлеб на крестины, расплачивался со священником за свершение обряда крещения; кума же обязана была представить «на ризки» аршина три-четыре ситцу, рубашку для ребёнка и платок или полотенце священнику - утереть руки после погружения крещаемого в воду.

Домовница. Фотография конца XIX века

В Рязанской губернии малыша носили крестить в отцовской венчалной рубахе. Гуцулы, напротив, накидывали на него материнскую свадебную гуглю. На Украине, когда несли младенца крестить, обёртывали «чоловічьею» сорочкой, вложив в её правый рукав хлеб (его приносил крёстный отец), «сповивали» накрест красным поясом; так же делали, когда несли дитя к причастию. Нарядные пелёнки, в которых носили детей к причастию, украшались наголовничком - налобником. В Вологде его делали из ткани, в виде полукруга (высотой сантиметров десять, шириной внизу - до двадцати сантиметров) и украшали вышивкой серебряной или золотой нитью, битью, канителью с узорами растительного характера.

В люльку ребёнку вешали крестик, дабы охранял его от сглаза, от болезней, от всякой напасти. В царской семье бытовал обычай заказывать мерные иконы: когда рождался царевич, с младенца снимали мерку, и иконописец писал образ его святого - покровителя, в рост царевича. В Оружейной палате Кремля хранится и доныне мерная икона «Иоанн Лествичник», написанная в 1554 году в честь рождения царевича Ивана, сына Иоанна Грозного.

После крестин бабка-повитуха оставалась в доме родильницы с неделю или две: заботилась о ребёнке, ежедневно обмывая и пеленая его, ухаживала за родильницей - парила в бане или печке, поила лекарственными травами, смотрела, чтобы ей ненароком кто не дал чего-нибудь кислого или солёного.

Когда родильница окрепнет, свершался обряд очищения всех принимавших участие в родах (в иных местностях сей обряд известен под именем «размывания рук»). Помолвившись перед зажжёнными у икон свечами, водою, в которую клали хмель, яйцо и овёс, умывались сами и мыли младенца. Во время умывания родильницы бабка говорила: «Как хмель лёгок да крепок, так и ты будь такая же; как яичко полное, так и ты полней; как овёс бел, так и ты будь бела!» Когда же купали ребёнка, то приговаривали: «Расти с брус вышины да с печь толщины!»

Бабка за свои хлопоты, кроме денег, собранных ею на крестильном обеде, получала каравай хлеба, фунт мыла, платок и денег от гривенника до рубля.

Дитяtko клали в колыбельку, а мысли у отца-матери уже, по пословице, витали далече: «Дочку - в колыбельку, приданое - в коробейку». «Домострой» предписывал: «если дочь у кого родится, благоразумный отец (...) от всякой прибыли откладывает на дочь (...) купит полотна и холстов, и куски ткани, и убрусы, и рубашки - и все эти годы ей в особый сундук кладут или в короб: и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду... Так дочь растёт, страху Божью и знаниям учится, а приданое ей всё прибывает». «Что наткалось, напрялось, то и в приданое досталось», - памятовали родители, но, пока младенец вырастал из пелёнок, шили ему первые рубашонки-распашонки.

Одежда новорождённого - пелёнки и свивальники (повивач — у малороссыян, сповивач у белорусов) - длинная, до двух метров, и неширокая, до десяти сантиметров, полоса ткани. Свивальником пеленали до годовалого возраста. Иногда пелёнку крестообразно обвязывали шнуром или поясом, но, как правило, ребёнка первые сорок дней не подпоясывали, и лишь на седьмой неделе крёстная приносила ему в подарок пояс, крестик, рубашку. В Московской губернии крёстная подпоясывала уже годовалого малыша: поставив к печному столбу и завязывая узел, приговаривала: «Будь здоров и толстой, как печной столб».

Первая рубашка — самого простого покроя. Белорусский мятлек — сорочка новорождённого, — это кусок холста или коленкора, перегнутого пополам с вырезанным посередине (на сгибе) отверстием для головы.

Кроме сорочек, младенцам шили наглазники, нагруднички и чепчики. Нагруднички, или слюнявки, делались из коленкора или ситца для предохранения рубашки от слюней и пищи. Чепчик и наглазник - продолговатый лоскут шириною в две четверти (35 см) и длиною в аршин (71 см) - не что иное, как средство уберечь ребёнка от мух и солнечного жара. Наглазники и чепчики изготовляли из кисеи или миткаля. Крестьянские дети носили одни рубашки с поясами. Только к восьми годам мальчика одевали в штаны, девочку в юбку. В Витебской губернии обряд надевания первых штанов (юбки) происходил на старизне - старых отцовских штанах или материнской юбке. И чем больше дети проявляли упорства, не желая надевать обнову, тем, как полагали, они дольше будут жить на свете. Изношенные первые юбку и штаны не выбрасывали, не использовали на тряпки, не сдавали тряпичникам, а сжигали в печи.

Платье детское. 1902 год.

Петербургская губерния, Царскосельский уезд, село Рождествено. Школа кружевниц; ученицы Бежанская и Реброва

Наследник царевич Алексей Николаевич, 15 месяцев, 1905 год

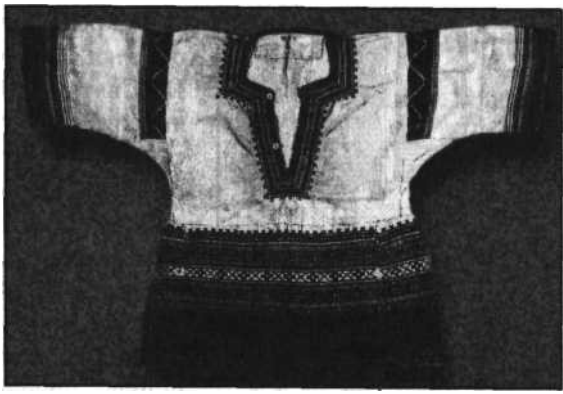
В городе на рубеже XIX и XX веков любопытная особенность детского костюма заключалась в том, что мальчиков до трёхлетнего возраста одевали, как девочек: в короткие яркие платьица с квадратным вырезом и боковой застёжкой на левую сторону (как и подобает женской одежде), украшенные тесьмой или вышивкой. К платьицам надевали широкие пояса из цветной кожи или материи, кружевные воротнички и манжетки, что делало мальчиков ещё более похожими на девочек.

Что бы вы сказали, если бы вам предложили лечить ребёнка не таблетками, не отваром трав, а - его распашонкой? Крестьяне знали «рецепты» избавления от той или иной хворобы при помощи одежды. Так, при родимчике (болезни, известной в медицине под именем eclampsia), после припадка, когда заболевший переставал биться, у него рвали спереди рубашку от разреза до низу или же накрывали его полотенцем, которым покрывали невесту при венчании, либо скатертью, которую стлали на свадебном столе. (Конечно же, ныне такой рецепт не подходит: современная медицина предлагает иные, совершенные...).

Сухая стена (atrophia infantium - болезнь истощения питания, непомерная худоба, изнурение) изводится так: растущий молодой дубок раскалывают у комля на три четверти и в образовавшуюся щель протаскивают больного младенца трижды в одну и трижды в другую сторону, вытаскивая его напоследок голым, а надетую на нём рубашку оставляя в отверстии дуба. Лечение производят в среду или в пятницу, как и следующий обряд против той же болезни: ребёнка кладут на постеленную шерстью вверх шубу, отрезают из неё клочки шерсти у больного в головах, ногах и под спиной, меряют суровой ниткой обе его руки, окружность головы, толщину и с обеих сторон длину туловища. Затем моют ребёнка чистой водой, с положенными в воду тремя угольками. Нитки кладут в печурку, а после их сравнивают между собой: если смерок одной руки оказывается равным смерку другой и смерок правой стороны туловища смерку левой, то ребёнок будет жив; если же смерки окажутся неравными, то он умрёт. Рубашка, бывшая до времени лечения на младенце, снова может носиться лишь тогда, когда её выполощут в реке трижды против течения и трижды по течению.

Случалось, что малыш долго не ходил (таких детей называли сидяками). Тогда его купали в отваре соломы, набранной ночью из трёх чужих дворов. Весною, выезжая в первый раз в поле сеять, сидяку, усадив посреди пашни, обсевали кругом и говорили: «Ты, овёс, расти, а ты, - называли имя больного, — ходи!» Ещё один способ лечения: малыша сажают в мешок и бегом обносят вокруг своего двора три раза. Каждый раз бегущего с мешком встречает кто-нибудь из домашних и спрашивает: «Что несёшь?» - «Сидяку», - отвечает тот. «Надо ему ходить». Обносить в мешке сидяк можно в любой день.

Кратка беззаботная пора детства: в шесть-семь лет девчонки начинали прясть, вязать, вышивать. Лет в двенадцать - пятнадцать девушки уже полноценные работницы в доме, в поле, на огороде. Трудились - не ленились, а работа перемежалась с весельем. Одна из самых весёлых забав - хоровод.

Шушпан детский (верхняя одежда). Конец XIX века, Рязанская губерния

Весенние хороводы водили от Пасхи и до Троицы. А после Троицы - сенокос, жатва: не до веселья. Со Спожинок, с Успенья (28 августа нового стиля) до Рождества Пресвятой Богородицы (21 сентября) или даже до Покрова (14 октября) - осенние хороводы.

С Покрова начинаются засидки, посиделки, супрядки - работа при огне. На Святки, с Рождества Христова (7 января) до Крещения (19 января) - святочные игры. А там - опять посиделки, до последнего воскресенья перед Масленицей. С четверга сырной недели - катание на лошадях. А после Светлой (Пасхальной) недели - опять хороводы: радуницкие, троицкие, всевятские, петровские, пятницкие, Никольские, ивановские, ильинские, успенские, семёнинские, капустинские, покровские.

Сегодня хороводы сохранились лишь на сцене да ещё - в северных деревнях. Современный исследователь народной поэзии Н.П. Колпакова так описывает хоровод:

«На высоком - очень высоком! - речном обрыве - девичий хоровод. В нём человек пятьсот. Но из какой же сказки явились эти девушки в их невиданных, неслыханных одеждах?»

Шелестят тяжёлые пышные шелка. Плавно волнуются сборчатые сарафаны. Расцветают диковинные, узоры, серебряные цветы на парчовых «коротеньках» - сборчатых безрукавках до пояса, надетых поверх сарафанов. Колышутся пышные цветы штофных, затканых шёлковыми цветами «шалюшек». Громадные шёлковые платки отливают множеством нежных оттенков - бледно-палевых, розовых, тёмно-синих...

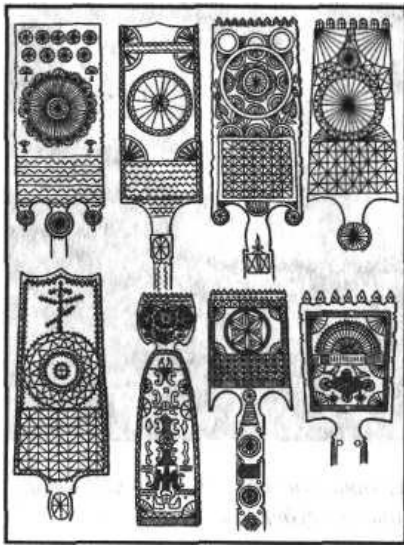
Пышная золотисто-алая гирлянда девушек и молодок медленно плывёт по улице, останавливается, низко кланяется, расходится, сплетается в цепи и круги; вот она движется не спеша навстречу кавалерам в праздничных рубашках.

«Да вы, бояра, вы куда пошли? Да молодые, вы куда пошли?», - поют девушки.

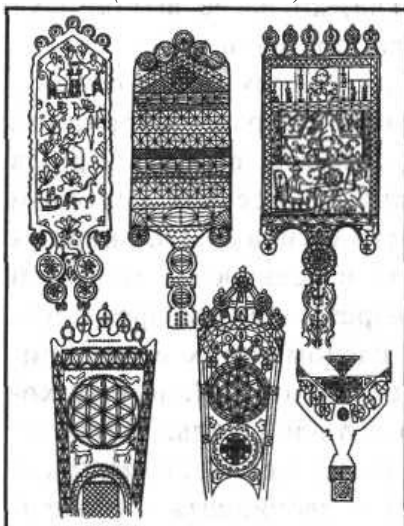
«Да мы, княгини, мы невест смотреть, Да молодые, из короших выбирать», - отвечают парни.

Но разве это веселье? Это ритуал. Это пышная обрядовая декорация. Непрерывными вереницами сплетаются и расходятся шёлковые гирлянды. Разыгрываются старинные прабабушкины игры - с поклонами, с медленными переходами с места на место, с изображением старых семейных обычаев, семейных сенок в патриархальной семье...» (Н. П. Колпакова. У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975).

Ленты, вышивка, кружева, бисер - каждая девушка стремилась перещеголять красотой костюма подруг-соперниц, ведь среди многочисленных зрителей, собравшихся со всей деревни, а то и волости, толпились и будущие женихи, и свекрови, высматривающие в хороводах невесту для своего холостого сына. Хотя и памятовали парни наказ поговорки «Выбирай жену не в хороводе, а в огороде», но и на гулянье невеста выказывала - своим нарядом - умение ткать и прясть, вышивать и вязать кружева. Тем более, что «Потеха - делу не помеха», и подтверждалось это на посиделках, где труд и веселье сплетались в одно неразрывное действие. Посиделки в разных местах назывались по-своему: в Нижегородской губернии - посиденки, в Новгородской и Тверской - сидки и сидухи, в Архангельской и Костромской - поселки; на юге России их звали супрядками, на западе - беседками и заседками.

Русские ряпки с изображением вселенной — земли и небосвода («белого света»)

Русские ряпки с изображением круговорота солнца вокруг земли. Земля показана или схематично (штриховкой) или красочными жизненными сценами. Над схемой земли изображался небосвод в виде огромного круга с шестилучевыми фигурами внутри

Но какое бы имя они ни носили - вечерки, вечерницы, досветки, дозорьки, беседы и прочее, - суть их заключалась в том, чтобы осенними и зимними вечерами при лучине за рукодельем в нанятой избе (хозяевам платили деньгами или отработывали летом на покосе, на жатве) юноши и девицы лучше

узнавали друг друга, выпытывали характер. Обычно собирались только холостые, по присказке: «Женатого с посиделок веретеном гонят». В больших сёлах посиделки разделялись на две, а то и на три: в одной избе собирались подростки от 8 до 15 лет, во второй - невесты от 15 до 25 лет, а в третьей - молодые женщины. И если в той избе, где собрались замужние, главным было в нескучной беседе напрясть побольше, то молодёжь, не забывая о деле, всё же больше веселилась.

Девушки в беседной избе рассаживались по лавкам вдоль стен так, что середина горницы оставалась порожней: для игр и плясок. Все девушки, пришедшие на вечерницу, пряли лён за копылами (копыл - донце, в которое пряжи вставляют гребень), исключая святочные вечера, когда девушки собирались в беседы без копыл, наряженные в лучшие сарафаны; на праздничные досветки приезжали парни со всей округи, и тогда веселье бывало полное. Однако и на «рядовых» супрядках пели, играли, плясали, рассказывали сказки, обсуждали деревенские новости и происшествия.

Малороссы. Рисунок XIX века

Редкий вечер беседки обходились без парней. Они пели и участвовали в игре, которая в Пошехонском уезде, например, называлась «женитьбой». «Жениться» — пройти по избе в танце с девушкой или сразу с двумя под аккомпанемент песни; по окончании песни кавалер целовал барышень — это и называлось «жениться». Очевидец обряда-игры писал: «Когда девушка выходит в круг, то копыл оставляет на лавке, на её место садится тот паренёк, чьё сердечко сохнет по ней. Девушка, проходивши с парнем песню и нашедшая своё место занятым, должна его выкупить поцелуем. Подойдя к парню, захватившему её копыл, она окликает его: «Добрый молодец Ванюша, мой копылок не вороненький жеребок, в чистое поле не убежал, к вам не прибежал, заставить себя не прошал, нельзя ли мне его получить?» Ванюша девушке говорит: «Извольте, Настёна, получить и выкуп заплатить», Девушка соглашается выкупить копыл поцелуями».

Русская пляска. Рисунок Орловского. XIX век

Строгие нравы, не допускавшие распущенности, позволяли, однако, молодёжи целоваться в таких играх; за поцелуй на улице, - вне посиделок, молва осуждала и девушку, и парня. А на посиделках... На них завязывались знакомства, крепла дружба, вспыхивала любовь. Пожалуй, с игр на супрядках начиналась долгая череда обрядов свадебного чина, ведь зачастую здесь девушка давала слово своему залётчику быть его суженой. На супрядках парень с девушкой сговаривались, когда идти под венец. Получив же отказ от милой, парень вёл с ней перебранку в частушечном диалоге. Случалось, полюбившие друг друга улаживались обвенчаться «самоходкой», если родные не давали согласия на брак. Сколько тайн, трагедий, счастливых и горестных минут, восторгов и сомнений, душевных

переживаний хранили стены избы, где шумели из вечера в вечер посиделки!

Гопак. Рисунок И. Репина

Откроем журнал «Воскресный досуг» за 1871 год, вчитаемся в репортажные строки завсегдастая посиделок - и словно сами воочию увидим:

«Вот парень сидит в беседе рядом с девушкой, девушка на первом месте, хороша, полное лицо зарумянилось, к ней подошёл молодой парень. Девушка Катя, первая красавица из села, богатых отца-матери дочь, одета лучше других подруг. Парень не-богатый, но работающий деревенский парень, молодец на всякую работу. Ивана Катя любит сыз-мала. Иван подошёл к Кате, сел к ней на колени, взял из рук Кати веретено, жмёт кудель на копыле, страстно смотрит на Катю, припал лицом к лицу её, шепчет: «Катя, пойдёшь за меня замуж?.. Отец жениться велит». Катя пихнула Ивана с коленей: «Экой ты, Ваня, - тише!» Иван сжал крепко руку девушки, щёки у Кати ярче загорелись: «Сказала, твоя во веки вечные». Звуки голоса замерли. «Отец тебя, Катя, не отдаст за меня», - шепчет Иван.

Катя зажимает ему рукой рот и ерошит густые волосы. «Убегу - буду твоя - тише!» - «Дай залог». В залог девушка даёт парню, в подкрепление своего слова, что-нибудь из своего наряда. Иногда девушка до замужества передает милому весь свой девичий наряд и, в случае отказа родных отдать замуж за милого, уходит «самоходно». «Ваня, - шепчет девушка, - какой ты неуверенный. Возьми хоть все платья

цветные, отдам в залог». Лицо Ивана перекрывается радостью. Встал Иван и пошел «жениться», взял Катю, песня пропета. Иван целует свою ненаглядную, сердца любящих трепещут от радости. Иван садится на место Кати, Катя садится к Ивану на колени и прядёт. Иван шепчет: «Где, Катя, взять денег-то попу отдать - весь издержался». - «Снеси мой штофник». Иван сжал руку Кати, Катя вскрикнула. «Эк любит меня», - соображает Иван, и, быть может, бедное житьё, и борьба за существование, и жизнь с милой, как холодный призрак, предстаёт перед Иваном (С. Дерунов. Девичья беседа в Пошехонском уезде. - Воскресный досуг, 1871, № 23-25).

Свадьба уходом (её ещё называли краденой), без согласия родителей невесты - явление нечастое в русских деревнях. Обычно дело оканчивалось ладом, по присказке - пирком да за свадебку.

Свадьба - от слов «свадить», «сводить». Свадьба и сватать - общего корня. Ещё в середине Прошлого века Владимир Иванович Даль заключал, что свадьба - «обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчанье, со всеми брачными обрядами и пирушками». Обратите внимание: «со всеми обрядами и пирушками». XX век «подредактировал» это определение, и сегодня свадьба превратилась, к сожалению, просто в большую пьянку. Из множества обрядов - неизменных в старинной свадьбе - осталось два-три: выкуп невесты, обмен кольцами да встреча молодых хлебом-солью.

Свадьба наших бабушек - это прежде всего многокрасочный спектакль, длящийся не день, не два, а несколько недель и даже месяцев. Разные сцены этого действия разыгрываются то на глазах у всей деревни, то без свидетелей; то - в доме невесты, то - в доме жениха. Как и в каждой пьесе, есть тут и главные действующие лица, и второстепенные. Кроме жениха и невесты, свои роли играют свахи, тысяцкий, дружка; в массовке заняты «бояре» - поезжане, сопровождающие свадебный поезд. Роль дружки - старшего боярина, первого помощника жениха и главного распорядителя на свадьбе - обычно на разных свадьбах исполнял один и тот же человек, знавший не только весь порядок многодневного течения свадьбы, но и множество молитв, наговоров, присказок, диалогов. Дружка - женатый человек, бойкий говорун, общий увеселитель и затейник.

Дружка вёл свою роль вместе с поддружьем (своим помощником) и свахами. Кроме основной своей роли - сватовства - свахи по ходу спектакля-свадьбы задействованы и в других: причёсывании жениха и невесты, сидящих на меховой шубе перед отъездом свадебного поезда в церковь; осыпанием их хлебом, хмелем и деньгами; вместе с дружкой угощали гостей; приходили с дружкой и тысяцким утром будить молодых.

Роль тысяцкого обычно исполнял крёстный отец жениха или родственник. Тысяцкий - начальник свадебного поезда.

Крестьянская свадьба. Лубочная картина, XIX век

В свадебный чин входили такие обряды, как засылка (пустосваты ходят в дом невесты без сватовства, просто посмотреть, стоит ли сватать, хороша ли девушка), сватанье, сговор (где стороны жениха и невесты улаживались о дате свадьбы, обсуждали размер приданого, обсуждали, кому какие подарки дарить), предсвадебная неделя, включавшая в себя завершение шитва приданого невестой, её прощальные поездки к родным, посещение невесты роднёй дома жениха, оповещение подругами невесты всей деревни о предстоящей свадьбе. Заканчивалась предсвадебная неделя девичником, на котором невеста прощалась с домом и подругами, получала предсвадебные подарки от гостей, расставалась с «волей» И «красотой» (девья красота — род венца из лент и цветов; он ставился на девичнике перед невестой; ленты эти она раздавала подругам на память, а лучшую отдавала в церковь после венчания).

Кульминационный момент в доме невесты — благословение родителями молодых перед венчанием (незадолго до этого в доме жениха он, в присутствии дружки и поезжан, получал благословение от своих родителей).

Главный момент свадьбы - венчание: в глазах православных только церковное венчание означало вступление в брак. Священник надевал на молодых венцы, подобные коронам, возводил их на амвон, к царским дверям, и они стояли перед иконами, которыми благословили их родители; эти иконы на время венчания ставили на алтарный иконостас. На клиросе певчие пели «многие лета» новобрачным - завершающую часть чина венчания.

Встреча от венца — выход молодых из церкви — этап свадебного празднества, непосредственно предшествующий заключительному действию - свадебному пиру.

Свадебное катание. Лубок XIX века

Малороссийская девушка. Венок — девичий головной убор. Рисунок XIX века

После свадьбы собирали ещё три вечера (княжий стол): свадебный стол - для родных молодого; большой стол - для родни и близких невесты; пирожный стол — молодая сама стряпала и угощала всех званых. Кроме того, чуть позднее собирали столы у тестя, свекра и других родственников.

Каждый день свадебной эпопеи сопровождался обрядами, бытовавшими в разных местах, видоизменявшимися с течением времени. Не один десяток из них связан с одеждой жениха и невесты. Наверное, невозможно описать их все - так велика и обширна наша страна, несхожи свадебные обряды, скажем, Малороссии и Севера, Кубани и Сибири. Полвека исследовала свадебные обычаи этнограф Г. С. Маслова, записав и проанализировав в книге «Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX века» (М., Наука, 1984). С некоторыми из них познакомим и мы наших читателей.

Лет сто назад, встретив на улице южнорусской деревни сударушку в понёве, умозаключали безошибочно: она замужем, ибо понёва - неременный атрибут женщины семейной. Ещё раньше, в XVIII веке, девушка надевала понёву, достигнув совершеннолетия. Первую понёву шила сестра, а одевал брат; впервые облачались в неё на «велик день» (на Пасху) или в какой-либо из двенадцатых праздников.* В Тамбовской губернии обряд сей приурочивали к Троице: подруги заходили за девушкой, коей незадолго перед тем исполнилось 15 лет, звали её с собой на праздник, и брат её либо другой мальчик одевал ей понёву. В начале XX века наряд девушек-подростков изменился: сверху рубахи они носили сарафан или подол-юбку, отличаясь тем от замужних, носивших понёву. На Севере обряд надевания понёвы свершался так: девушка бегала по лавкам, мать же или крёстная ходила за ней с понёвой и причитала: «Вскаци, дитяtko, вскаци, милое», та же отвечала: «Хацу - вскацу, хацу - не вскацу». Если соскакивала и попадала в понёву, то её можно было

сватать. В Пермской губернии обряд этот и включался в обряд сватовства: невесту выводили к сватам, а она, вскочив на лавку, ходила по ней взад и вперёд; сваха держала перед нею сарафан подолом вверх, девушка говорила: «Хочу - прыгну; хочу - нет!» При согласии она прыгала, отказывая жениху - оставалась на лавке, и сваты уезжали восвояси ни с чем.

* Двенадцатые праздники - главнейшие в православном календаре: Рождество Христово (7 января нового стиля), Крещение Господне (19 января), Сретение Господне (15 фев-раля), Благовещение Пресвятой Богородицы (7 апреля), Преображение Господне (19 августа), Успение Пресвятой Богородицы (28 августа), Воздвижение Креста Господня (27 сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря), Вход Господень в Иерусалим (за неделю до Пасхи), Вознесение Господне (на 40-й день по Пасхе), День Святой Троицы (на 49-й день по Пасхе).

Праздничный головной убор новобрачной (молодухи) из села Русская Тростянка Острогожского уезда Воронежской губернии. Начало XX века.

Понёву всегда надевали перед венцом, в отличие от «бабьего» головного убора, который надевался после венчания.

Накануне свадьбы невеста вопила в переднем углу, накрытая нарядной утиркой. Младший брат или кто-либо из других мальчиков подходил к невесте и накрывал её понёвой. Она обращалась к нему: «Братец мой милый, не надевай-ка на меня сухоту-заботушку, не скидай с меня девичью красоту...»

В северных и центральных губерниях России в XIX веке бытовал интересный обычай, именованный столбами. К примеру, в Ярославле на масленицу, в понедельник, из окрестных сёл и деревень съезжались в заранее оговорённое место молодожёны и стояли в столбах часа по три-четыре. Молодая надевала все, какие были, сарафаны, повязывала голову множеством платков, надевала несколько шуб да ещё и в руках держала те, которые не могла надеть. Молодой также надевал один тулуп в рукава, другой набрасывал на плечи. Бедные, чтобы участвовать в столбах, брали на время одежду у знакомых, этот своеобразный парад новых семей оповещал общество о заключённых браках, а «выставка» одежд свидетельствовала о их достатке и трудолюбии, ибо многие из нарядов

шили руками невесты и жениха. Хотя приданое готовилось загодя, но непосредственно перед свадьбой невесте полагалось сшить рубаху и штаны жениху, подарки свекрови и свёкру — тоже какие-либо предметы одежды: рубашку, платок, юбку. Пошив рубахи жениху - не простая портновская операция, а, как и многое в предсвадебной поре, веками бытовавший обряд, называвшийся «кроить рубашки», «рубашку мерить жениху». В определённый день подруги невесты шли в дом жениха и просили рубаху, по образцу которой невеста и шила своему суженому новую. Угостив девушек, заворачивали рубаху в платок. Шествие с песнями и плясками направлялось в дом невесты.

Подруги помогали ей шить, они же и дарили обнови жениху, что опять же сопровождалось обрядом: жених угощал девушек, отдаривал их пирогами и другим печивом. Под венец он шёл в рубахе, пошитой невестой. Потом он если и носил эту рубаху, то лишь по большим праздникам.

Невеста получала в дар от своего суженого верхнюю одежду и обувь, материю на сарафан, чулки, зеркало, мыло, духи. Всё это он вручал на смотринах, на девичнике или в утро перед свадьбой, причём не из рук в руки: посредником выступал дружок или кто-либо из родни жениха. В Белоруссии молодой, передавая своей суженой накануне свадьбы башмаки, в один насыпал жито, а в другой - орехи. Дружок, передававший подарок, смотрел: если невеста первым брала башмачок с житом, то считалось: жизнь у молодой будет богатая.

Шуба - дар жениха невесте - также вручалась с соблюдением обрядов. В Воронежской губернии сваха с дружкой снимали с невесты её полушубок и надевали на неё привезённый

от жениха. В Рязанской губернии шубу нёс дружок впереди посольства, составленного из сватов. В доме невесты ею обводили вокруг печной трубы три раза, приговаривая: «Как труба от печи не отходит, так и ты, - обращай к невесте, - не отходи от двора». Невеста надевала шубу, положив в правый рукав небольшие кусочки пирога и хлеба, которые съедала после венца. Любопытно, что в церковь она шла в шубе даже летом. Шубу или другую верхнюю одежду жених дарил невесте во Владимирской, Рязанской, Ярославской, Нижегородской, Вятской, Архангельской, Енисейской, Витебской губерниях.

В Государственном музее этнографии народов СССР хранится подвенечная шубка XVIII века из города Сольвычегодска. Шубка распашная, с отрезной спинкой на сборках и несколькими боковыми клиньями, сшита из беличьего меха и крыта светло-коричневым узорным штофом. На концах рукавов, по вороту и краям пол, - оторочка из меха чернубурой лисицы. У горла шубка застёгивается на пряжку, представляющую собой два жестяных кружка с рельефным изображением мамы и кавалера, катающихся в санях. Принадлежала эта шубка зажиточной горожанке (купчихе или мещанке), ибо стоила недёшево; по всей видимости, венчались в ней несколько поколений, так как такие дорогие вещи, как шуба, переходили по наследству от матери к дочери, от бабушки к внучке.

Не только дорогие шубы, но и копейные лапти участвовали в сватовстве. Когда курянин сватался, он дарил невесте пару лаптей. Принимая подарок, девушка тем самым давала согласие на брак. Обувь в предсвадебных обрядах выполняла не столько утилитарную роль (у молодой и без того было во что обуться), сколько символическую: принятые в подарок башмаки становились символом привязанности будущей жены к дому. Дарили и дорогую кожаную обувь, и заурядные лапти, но то и другое полагалось мастерить самому жениху (встречались и исключения: в Олонецкой губернии невесте бахилы шил будущий свёкр). В Рязанской, Калужской, Орловской, Тамбовской губерниях жених плёл «писаные» лапти, т.е. праздничные, с головкой мелкого плетения.

В начале XIX века в Калуге по обычаю невеста избегала встреч с женихом, но он до самой свадьбы (хотя бы от сватовства до венца проходил целый год) должен был снабжать невесту «писаными» лаптями.

Обувание обуви символизировало подчинение чужой воле. Дружка клал ботинки на блюдо, отчего они назывались «наблюдники», и подносил их невесте; она ставила блюдо себе на голову в знак того, что отныне отказывается от родительской воли и подчиняется мужу, а затем надевала «наблюдники».

Сватовство, смотрины, девичник, сама свадьба немыслимы без подарков, причём одаривали не только молодых, но и сватов, и свёкра со свекровью, тестя с тещей, дружку, родственников с той и другой стороны. Начинали дарить при сватовстве, без даров не обходились ни рукобитье, ни предсвадебная неделя, однако самый разгар дарения наступал после венца - это так называемые *дары*. «Вот как происходили они в малороссийских сёлах Воронежской губернии. Сваха держала блюдо или решето с дарами. Невеста клала на блюдо подарок, дружок поддевал его кнутовищем своей плети или палкой, выкрикивая имя того, кому предназначался подарок. Невеста, низко! поклонившись, просила принять подарок. Получившие дары «молодились», то есть целовали молодую.

В Гродненском уезде молодая, танцуя на свадьбе со свекровью, сбрасывала с себя шерстяную, обычно синюю, юбку и дарила её свекрови. Потом, танцуя со свёкром, вручала ему рубаху и штаны.

Свекрови и свёкру доставались самые дорогие вещи. Свекрови кроме сорочки подносили сарафан, юбку или ткань своего изготовления, наиболее тонкую и белую.

Но больше всего «повезло» платку: от сватовства до третьего дня свадьбы, исполняя неписанные законы, невеста раздавала до сотни платков: свахам, свёкру со свекровью, дружке, боярам, поезжанам, подругам... В Тамбовской губернии сватам вручали полотенце, сотканное из белой льняной нити и украшенное на концах белым кружевом и красными браными полосами. Получив его от просватанной девушки, сваты, приплясывая, шли по деревне, размахивая им, оповещая тем самым об удачном сватовстве.

Обычай надевать подвенечные перчатки идёт из глубокой древности: считалось, что касание голой рукой грозит несчастьем. В свадебных действиях закрывали ладони не только молодые. В Новгородской и Тверской губерниях уже при сговоре отцы брачующихся били по рукам через полу кафтана, приговаривая: «Жить да богатеть, друг друга любить». В Енисейской губернии в середине прошлого века на сговоре отец невесты, обернув руку полотенцем, брал дочь за руку и передавал жениху.

Молодые на всех этапах свадьбы держались друг с другом через платок, белорусы объясняли: «Голой рукой нельзя братья - через это жизнь будет голеть». В Малороссии дружка трижды обводил брачующихся вокруг стола - он и она держались друг с другом через хустки - платки.

В Тверской губернии невеста завёртывала руку в длинный рукав рубахи. Свадебные рубахи-долгорукавки бытовали в Рязанской, Калужской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Псковской и других великорусских губерниях. Жених брал руку невесты также не голой рукой: в некоторых губерниях он даже летом надевал шерстяные белые перчатки (а на Севере - сшитые из шкуры животного). И при потчевании гостей невеста не снимала рукавиц (Вятская губерния). В Курске в XVIII веке невеста облачалась в шубку длинный рукав - с правым рукавом длиной до земли.

Шуба в свадебной обряде занимала исключительно важное место. Царь Михаил Фёдорович при бракосочетании с Евдокией Лукиановной Стрешневой 29 января 1626 года «пришёл из своих хором в золотую среднюю палату, нарядился в козих золотой аксамитной на соболях, да в шубу Русскую соболью, крыта бархатом золотным, заметав полы назад за плеча, а пояс на государе был кованой золотой». В свадебном чине - памятнике литературы XVII века, - предписывавшем, кому во что одеваться, шуба упоминается многократно. «А за постелью поедет сваха в наряде, а наряд бы был: жёлтый летник, шубка красная, в платке и в бобровом оплечье». «А здешние боярыни встретят сваху у самых саней в летниках да в шубках, и сваха с ними пойдёт за постелью вслед за образом. А на нижнем крыльце встречает её женихова сваха, а за нею боярыни здешние в шубках же». И за столом велено сидеть отнюдь не в сарафанах: «И сядет отец на конце стола, а тысяцкий в углу, а на почётном месте жених и рядом его мать, а за нею званные боярыни: на всех летники жёлтые и шубки красные, в платках, с оплечьями бобровыми». В шубках пировали и в первый день, и во второй: и за столом в доме у жениха, и в доме у тестя: «И платье золотное снимут, а наденут - если летом - охабни, а зимою — шубы нагольные, а боярыни - летники белые да шубки красные, в спусках, а зимою в каптурах», - это у жениха в доме, на другой же день у тестя: «А боярыни сидят в том же платье: летники белые да шубки красные, в спусках».

Женский свадебный костюм. Черновицкая область,

1950-е годы. Поясная одежда — шерстяные и металлические нити. Узорное ткачество. Кепталь-безрукавка — овчина, каракуль, мех хорька, стеклярус. Вышивка в технике «гладь» шерстяными нитями. Головной убор — бисер, металлические монеты, позумент, картон, поролон

Прочитывая эти строки, я вспомнил: в словаре В. И. Даля есть такое замечание: «В Московской и других губерниях шубкою зовут сарафан». Так, может, за стол садились всё же в сарафане? Тем более, что и П. И. Савваитов в «Описании старинных русских утварей, одежд, оружия...» подтверждает, что

«шубка - женская одежда в роде короткого сарафана, круглого и бористого, то есть с частыми складками назади, шубки шились из бархата, атласа, объяри, сукна и других тканей, на подкладке, с подпушкой; нарядные шубки украшались кружвом и алмазами; для застёгивания пришивалось к ним пуговиц по 13 и по 15». Правда, П. И. Савваитов описание заканчивает утверждением: «Были шубки и на меху». А в описи одного крестьянского имущества начала XVII века сказано: «Шубка женская под крашениной, испод заечинной, воротовой, у нея 2 пуговицы оловянные; шубка кумашная холодная, подложена холстом, пуговицы оловянные, мелкие». Из этих строк видно, что шубки на меху назывались просто шубками, а сарафанного типа - шубками холодными. Значит, в старину на свадьбах подруги невесты пировали всё-таки в шубках, т. е. меховых одеждах, а не в сарафанах.

Костюм жениха.

Семипалатинская губерния. Старообрядцы. Середина XIX века — начало XX века. Рубахи — льняной холст, кумач, кружево, бисер. Вышивка в технике «двойной шов», «крест», «тамбур» хлопчатобумажными и шелковыми нитями. Порты-штаны — льняной холст. Пояс — шерстяные нити. Плетение

церкви с неё снимали покрывало, но после венчания снова накидывали шаль или фату. (В Тверской губернии покрывало не снимали даже в церкви). Тщательное закрывание невесты - одно из важнейших средств предохранения её от злых людей, от сглаза и порчи.

Подвенечные покрывала длинные, до двух метров и более, полотнища льняной ткани домашней выработки, орнаментированные на концах и одной длинной стороне. В музее этнографии сохранилось очень красивое покрывало из Весьегонского уезда Тверской губернии, которое «помнит» шумные свадьбы конца XVIII века. Оно украшено вышивкой, полосами браного тканья, красными, синими, жёлтыми лентами из шёлка и кумача, плетёным на коклюшках кружевом. В вышивке (красного цвета, характерного для предметов, употреблявшихся в ритуале свадьбы) преобладают композиции,

Восстав с брачного ложа, жених «набросит на себя халат да шубу нагольную», «и новобрачная также набросит на себя халат и шубу нагольную». За стол, после венчания, молодых усаживали на лавку, застеленную также шубой, со здравицей: «Шуба тепла и мохната - жить вам тепло и богато!»

В недавние годы в детских книгах о дружбе народов художники любили изображать детей в национальных костюмах. Малороссиянок (именовавшихся украинками) без труда узнавали по венку из живых цветов, окаймлявшему хорошенькую головку кареглазой красавицы из-под Полтавы. В старину венки надевали не только дивчины, но и парубки - на свадьбе.

Приготовление венков для молодых - это целое торжественное действие, спектакль, в котором актёры - едва ли не вся молодёжь села. В утро свадебного дня, до восхода солнца, с песнями и музыкой, под предводительством дружки отправлялись в сад или в лес рвать барвинок - главный элемент будущего венка. Выходили одновременно из дома невесты и из дома жениха, с тою лишь разницею, что женихов староста нёс курагов — знамя, сшитое из белой и красной ткани. Барвинок собирали в решето, застеленное запаской (запаска - два куса шерстяной домотканины, обычно синей и чёрной, употреблявшихся малороссиянками вместо юбки), туда же клали хлеб и замок, в ушко которого продевали нож. Высыпав барвинок на скатерть или платок, две свахи протягивали две нитки и начинали навязывать рядами барвинок для двух венков. На Станиславщине (ныне - Ивано-Франковская область) венок начинала плести с вечера, накануне дня свадьбы, мать невесты, кончала же утром «до світа», золотила его, прикрепляла красные шёлковые «китиці» — кисти, и деньги, «чтобы молодые имели их всегда». Вечнозелёный барвинок в этом обряде символизировал прочность любви и брака; нож и замок имели охранительное значение. Так же, как и свадебное покрывало невесты.

Со дня просватания невеста покрывалась платком, а когда везли под венец, её нередко покрывали также шалью, скатертью и даже одеялом. В

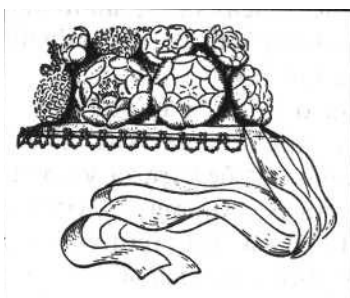
«Золотой» — головной убор невесты. XIX век, Старобельский уезд Харьковской губернии

составленные из стилизованных женских фигур с птицами или ветвями в руках и стилизованных деревьев. Иногда на концах покрывал изображались трёхкупольные храмы с человеческими фигурами, птицами и деревьями внутри. На длинной стороне обычно вышивались узкие бордюры из птичек и мелких геометрических фигур.

Покрывание молодой. Сваха (слева) с блюдом, на котором она подавала очипок. Кубань, фотография начала XX века

сажали на покуті (в переднем углу), свекровь рогачом (ухватом) снимала намитку, выброшенную на голову молодой, и кидала её на печь; невестка пускала под печь курицу или клала куриное яйцо; свекровь предлагала ей кусок глины от печи и сырую свёклу, всё это невеста бросала под стол.

«Девичья красота» — головной убор невесты. XIX век

Кроме охранительного, обряд сей имел и демонстративный характер. Дружка, снимая покров кнутовищем плети, спрашивал: «Хороша ли молодая?» Ему кричали: «Хороша!» Или свекровь подходила к невестке со сковородником и, поднимая им шаль, спрашивала: не крива ли молодая, не слепа?

В Вятской губернии в начале XIX века обряд снятия покрова состоял в следующем: одна из родственниц жениха снимала с головы невесты покрывало, прикрывала им брачующихся, вращала им трижды вокруг них, клала его в шапку жениха и ставила её в передний угол.

В Нижегородской, Калужской, Пензенской, Гродненской и некоторых других губерниях жених в продолжении всей свадьбы не снимал меховую шапку, даже если на дворе стояло знойное лето - опять-таки из опасения порчи от лихого человека.

Шапка жениха отмечалась каким-либо украшением: цветком, бантами из лент. Малороссияне пришивали квітку, и пришивание составляло целый обряд. Сестра жениха несла квітку, сшитую из лент, с тремя свечами. Старшая дружка брала шапку молодого и, отколов квітку от молодой, пришивала её к шапке жениха. При этом дружка надевал на молодого свою шапку, чтобы он не сидел с открытой головой, а сам надевал шапку боярина, тот снимал шапку ещё с кого-нибудь, и так все парубки сидели в чужих шапках. После того, как дружка выкупит у старшей дружки шапку жениха с пришитой квіткой, происходил обмен шапок в обратном порядке, и все опять оказывались в своих головных уборах.

В XIX веке у белорусов в момент причитания невесты на неё набрасывали шубу и шапку жениха. Один из вариантов обряда с шапкой - обряд на девичнике, где жених должен был угадывать невесту среди девушек, накрытых шалью, и ударить её своей шапкой по голове. Если не угадывал - платил девушке, которую принял за невесту. В малороссийской свадьбе характерен такой эпизод: когда окручивали невесту, одевали на неё очипок, она скидывала его дважды, в третий раз жених сам надевал на неё свою шапку, и невеста оставалась в ней.

Надевание невестой головного убора жениха символизировало её переход в род мужа, - так же, как и разувание в клети: молодая снимала с жениха сначала правый сапог, в котором находила деньги и брала их себе. Символика этого обряда, известного ещё из летописей, дополнялась тем, что в другой сапог иногда клалась плётка.

Особо украшенные пояса - неременная деталь свадебного костюма как жениха, так и невесты. Пояса служили отметкой свадебных чинов — пояса, подаренные невестой, дружке и бояре повязывали через плечо.

Снятие покрывала - ответственный момент свадьбы - происходило в переднем углу избы, под образами при общем собрании родственников и глядельщиков. Сознание того, что раскрытая невеста могла подвергнуться действию злых чар, придавало особое значение обряду. Снимал покрывало кто-либо со стороны жениха - дружка, свёкор, свекровь или же сам жених кнутом, иногда ухватом, палкой, пирогами, в XVI-XVII веках - стрелой. У белорусов сповивайло (покрывало) снимал музыкант скрипичным смычком и накидывал его на свекровь, которая, протанцевав с ним, бросала покрывало на печь, приобщая тем самым невесту к новому очагу. Символика приобщения молодой к дому мужа просматривается и в обряде малороссиян: невесту

Праздничный костюм молодой женщины первых лет замужества. Воронежская губерния, вторая половина XIX века.

Рубаха — льняной холст, ситец. Вышивка в технике «набор», «двусторонний шов», «строчка» хлопчатобумажными и шелковыми нитями. *Понёва* — поясная одежда — шерстяная ткань домашнего изготовления. Плетение и вышивка шерстяными нитями. *Завеса-передник* — льняной холст, шёлковые ленты, тесьма, бархат. Вышивка в технике «двусторонний шов» хлопчатобумажными и шёлковыми нитями. *Пояс* — шерстяные нити. Ткачество. *Сорока* — головной убор — льняной холст, атлас, шерстяные нити, тесьма, позумент, бусы, блёстки. Золотное шитьё. *Гайтан* — нагрудное украшение — кумач, бисер. Низание. *Гайтан* — нагрудное украшение — шёлковая тесьма, бисер. Низание

обычай: вместе с Поясом жених повязывал суровую нитку с сорока узлами. Считалось: сколько узлов на поясе, столько будет сыновей у молодой.*

* Конечно, сорок сыновей - это метафора. Хотя... Крестьянка Шуйского уезда Федора Васильева (1707-1782) рожала 27 раз: 16 двоен, 7 троен и 4 четверни. Выжило 67 детей, причём большинство из них дожило до зрелых лет. А самым многодетным отцом в России считается крестьянин села Введенского Яков Кириллов, современник Федоры Васильевой. Первая его жена родила 57 детей: 4 раза по четыре, 7 раз по три, 9 раз по два и 2 раза по одному. Вторая жена родила 15 детей, и, таким образом, от двух жён Яков Кириллов имел 72 ребёнка.

«Без пояса ходить - грех», - считали крестьяне, ибо он не просто дополнял костюм, а являлся предметом священным, полученным при крещении вместе с нательным крестом. И ныне право-славные люди под рубашкой носят пояс с напечатанными на нём молитвами «Живый в помощи Вышнего...» и «Да воскреснет Бог...». Ходить без пояса почиталось неприличным, - особенно молиться и спать без него. Даже малолетние дети бегали по улице хотя и в одних рубашонках, но - подпоясанных. Красный пояс, подаренный женой мужу, охранял его от лихого ока, наговора и чужих жён. Девушки и женщины подпоясывали рубаху, понёву, плахту, сарафан. На Севере, где по праздникам облачались в дорогие парчовые сарафаны, хотя и разрешалось не подпоясываться, дабы не вытерлась парча, однако в таких случаях опоясывали рубаху под сарафаном.

В Архангельской губернии вообще без пояса могла ходить лишь просватанная девушка, но это был краткий период — от сватовства до венчания. В некоторых местностях священники запрещали невестам опоясывать сарафан; тогда пояс всё же повязывали по рубахе.

У белорусов невеста на сговоре опоясывала жениха, на запоинах - свата. После свадьбы она одаривала пояском за услуги тех, кто наливал воду в рукомойник, кто зажигал лучину, готовил постель и т. д. В Рязанской губернии перед отъездом в церковь свадебного поезда дружка возвращался в избу специально за кушаком, подчёркивая тем самым его особое значение. В Псковской губернии свата, собирающегося в дом невесты, ударяли пояском, приговаривая: «Не я бью, удача бьёт».

У восточных славян широко бытовал обычай связывать жениха с невестой поясом или кушаком. В Рязанской губернии, связав молодых кушаком (его снимал с себя крёстный отец невесты), стукали головами, - «чтобы жили ладно да гладко». В Тамбовской губернии дружка, сняв кушак с жениха, обвязывал новобрачных и обводил их вокруг стола в знак неразрывной связи будущей супружеской пары.

В начале XX века в Псковской губернии отмечен обряд соединения брачующихся, где пояс также символизировал нерушимую связь князя и княгини. Человек, наделённый колдовской силой, за конец пояса вёл невесту с подружками в баню. Там он опять подавал ей конец пояса и вёл на полок, оставшимся же концом пояса перевязывал невесте правую руку, ногу и грудь, приговаривая: «Ноги к ногам, руки - к рукам, к груди - грудина», делалось это к тому, чтобы «муж с женой в будущем шли рука об руку, нога в ногу, не расходились и любили друг друга».

С пожеланием молодой детей исполняли следующий обряд: в отчем доме на колени невесте сажали мальчика, она целовала его и дарила *девичь пояс*. С представлением о деторождении связан и такой

Пояса. Конец XIX—начало XX века. Курская, Рязанская, Вологодская, Ярославская губернии

Костюм женский праздничный. Вторая половина XIX века. Воронежская губерния.

Рубаха из бумажного холста, понёва из шерстяной домоткани, передник («завеска») из бумажного полотна, пояс («подпояска») из шерстяной ткани, ожерелье («грибатка») из ткани, шерстяных нитей, блёсток, бисера. Расшиты шерстяными и бумажными нитями, набором, гладью, тамбуром и другими швами, блёстками

ли бодягу (водяное растение), на Юге и в Поволжье - просо, пшено, в центральных губерниях и в Белоруссии - льняное семя (восточные славяне приписывали льну очистительное и отвращающее зло свойство).

Амулетами-оберегами нередко выступали зубы и когти животных - носили их ещё в первобытные времена, когда предки русских считали своими прародителями рысь и медведя. В Олонецкой и Архангельской губерниях амулетами служили волчьи и медвежьи зубы, челюсти щуки и коготь с пятого большого пальца рыси: их носили на шнурке или цепочке.

Малороссияне почитали сильным оберегом лук и чеснок. Для избавления от чародейства мать невесты перед выходом свадебного поезда в церковь клала молодой в карман завязанную в тряпицу головку лука или чеснока. Если луковица в кармане чернела, полагали, что она приняла на себя порчу и спасла невесту или жениха. Сильно пахнущие полынь и мята также слыли надёжными оберегами у всех русских: великороссов, малороссиян и белорусов.

Вероятно, в каждой семье хранятся свадебные фотографии: невеста в белом платье, жених - в строгом тёмном костюме... Доведись нашим прабабушкам заглянуть в альбом, они бы сокрушённо покачали головами, сочувствуя невестам «в белых платьях подвенечных». Почему?

Сохранился очень красивый свадебный костюм начала XX века (Юрьевский уезд Владимирской губернии). Рубаха с прямыми поликами сшита из оранжевого сатина. Прямой сарафан на узких лямках - из светло-розовой ткани. Запон, передник с длинными рукавами, - из белого сатина. Рубаха и сарафан отделаны чёрным кружевом, синей лентой и чёрной тесьмой, передник - белым кружевом. Венчалась в

В Сердобском уезде Саратовской губернии в прошлом веке записан следующий обычай: отправляясь к жениху с подарками, подружки невесты обязательно присоединяли к ним суровую нитку, изготовленную особым способом. Невеста пряла её тайком на печном столбе, вращая веретено в левую сторону - «на отмаш», сучила её также «на отмаш», завязывала шесть узлов, опять-таки «на отмаш»: первые два - на пороге избы, другие два - на пороге сеней, последние - у ворот. Половину нитки невеста оставляла себе, другую отсылала жениху, делалось это, чтобы «отнять силу у колдунов», которым неизвестно, как и где изготовлялся этот оберег.

Кроме видимой одежды молодых обряжали и в незримую - от сглаза, от порчи, от всяческого колдовства. Существовало множество предметов (их называли оберегами), которые, как считалось, обладали охранительной силой.

Обереги входили в состав костюма как брачующихся, так и других участников свадебного действия. Их клали в обувь, в карманы, втыкали в одежду (закалывать платье невесты булавкой - этот обычай сохранился и поныне), обвязывали вокруг тела, носили на шнурке на шее, клали за пазуху. В Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Костромской, Пермской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Казанской, Рязанской и других губерниях жениха и невесту по нагому телу опоясывали кусками рыболовной сети. Почему? Сеть вязали, а узел имел охранительное значение. Если роженица не должна держать на себе ни одного узла, то невесте, напротив, полагалось иметь их как можно больше. Не является ли узел и пожеланием побыстрее найти завязь, узелок новой человеческой жизни?

Охранительное значение имел и обычай опоясывать жениха по нагому телу лыком с дюжиной узлов. Опоясывая, читали двенадцать богородичных молитв («Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах, и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»). Это действие охраняло молодых от всего дурного. К оберегам причисляли ягоды, листья и почки рябины: их клали в обувь невесте и жениху. На Севере в башмаки насыпали бодягу (водяное растение), на Юге

и в Поволжье - просо, пшено, в центральных губерниях и в Белоруссии - льняное семя (восточные славяне приписывали льну очистительное и отвращающее зло свойство).

этом дивном костюме - сирота. Белый цвет считался символом печали, потому-то светлые тона и преобладали в наряде невесты-сироты. А девушки при живых родителях венчались в одежде ярких тонов: красной, малиновой, зелёной.

* * *

«Рубаха к телу близка, а смерть ближе», ибо «смерть берёт распахом», и хоть ты «верти не верти, а надо умерти», — гласят русские пословицы, - а «что припасла душа, то и на тот свет понесла», так как «смерть - душе простор»: наши предки твёрдо знали, что «смерть не всё возьмёт, только своё возьмёт» (т. е. плоть), а душа - вечна. В дохристианские времена славяне делили вселенную на три части: Явь, Навь и Правь.

Явь - это видимый, реальный мир, то, что мы можем увидеть, услышать, осязать. Говоря «ну явно же видно» или «он появился», «они явственно услышали», «мечта стала явью», мы, сами того не осознавая, следуем понятиям наших пращуров.

Навь - это мир нематериальный, потусторонний мир мертвецов. В обиходной речи мы ежедневно поминаем «тот свет» древних славян, опять-таки не задумываясь об их религиозных представлениях. «Наверное», - сомневаемся мы, опасаясь ошибиться, ибо навь - это нечто неосознаемое. «Это наваждение», - объясняем мы что-то непонятное, недоступное разуму. Старинная русская пословица «И из навей встают» соответствует поговорке христианского времени «он из-под святых встал», то есть ожил после тяжкой болезни. Хотя из Нави в Явь дороги нет. Но славяне верили, что всё же душа может исхитриться и вернуться к людям тем путём, каким несли покойника из дома на погост. Потому-то и носили умерших в пролом в стене, который тут же заделывали: торкнется душа, а на пути - непреодолимая преграда. Через пролом в стене хоронили и великого князя Владимира Красное Солнышко, несмотря на то, что и он, и всё его окружение были христианами: дедовские обычаи не враз меняются.

Старики у куреня. Малороссия. Рисунок XIX века

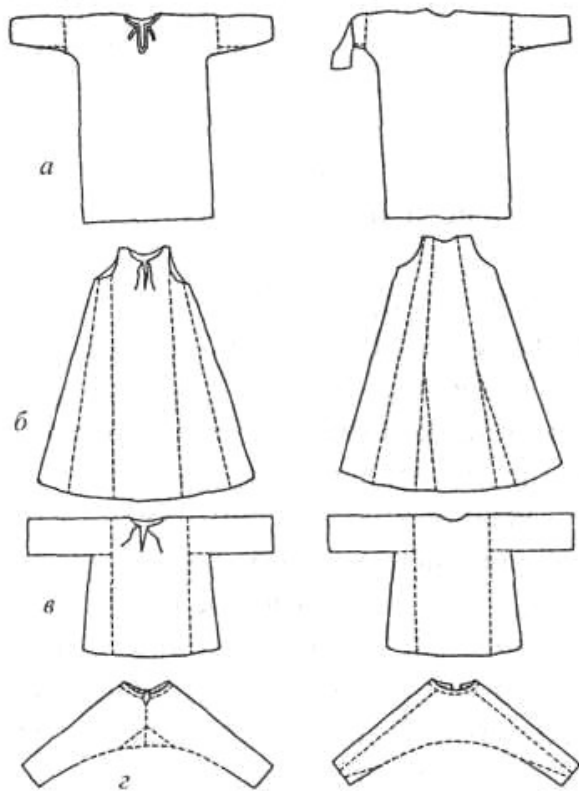
Правь - это горний мир богов, управляющих и Явью, и Навью. Правь - истина или законы Сварога. «Правильней», «правило», «правда», «праведник», «православие», «правая сторона», «правописание», «править» (руководить), «право» (закон) - всё это заповедано богами людям, и если говорят «он прав!», - значит, он следует указаниям высших сил. Нет ни одного слова с корнем «прав», обозначающего что-нибудь негативное. Но у русских правая сторона всегда была в чести: и в язычестве, и в христианские времена (по Евангельскому учению, праведники после смерти воссядут одесную, т. е. по правую руку Бога, а грешники - ошуюю, т.е. слева от Господа). Обуваясь, полагалось надевать сначала правый сапог; плохое настроение объясняли тем, что встали не с той ноги, то есть не с правой. При входе в дом будущего мужа невеста переступала порог обязательно правой ногой. Обручальные кольца носят на правой руке. На свадьбе правую прядь косы заплетал жених, а левую - сваха. И, напротив, левая сторона обозначала всё нежелательное. «Левый заработок» - это о незаконном промысле. «Пойти налево» - изменить жене. «Левизною судья силён», - укоряли несправедного чиновника, судившего не по совести. «Левый» - синоним сатаны, врага рода человеческого; «левыми», не смущаясь, называли себя революционеры, открыто заявлявшие, на чьей они стороне в борьбе с православной Русью.

После смерти душа человека, по представлениям славян-язычников, покидая Явь, переходила в мир невидимый - Навь. Странствуя там, она достигала Ирия, или Рая, где жил Сварог, Сварожичи и предки руссов. И в XIX-начале XX века языческие представления, несмотря на тысячелетнее христианское царство, ещё бытовали в народе, слившись с православными. Крестьяне полагали, что в загробном мире человек будет вести тот же образ жизни, что и на земле. В причитаниях упоминались разные испытания, предстоящие новопреставленному, и покойника снаряжали в дальнюю путь-дороженьку, подобно далёким-далёким предкам. Правда, снаряжали не так тщательно, как скифы, развешивавшие в склепах лучшие платья «на смену», но всё же одежде умершего придавали важное значение. Считалось, что умершие имели большую власть над живыми и могли быть доброй или злой силой для семьи, а потому погребальные обряды свершались так, чтобы задобрить умерших, тем самым ограждая себя от действия смертоносной силы.

Одежда - и покойного, и тех, кто провожает его в последний путь и носит траур, - отличалась от повседневной покроём, тканью, цветом, способом изготовления. Ирина Львовна Егорова, преподаватель Саратовского областного училища культуры, рассказала такой случай. Одна студентка из фольклорного ансамбля отыскала в деревне красивое старинное платье бурашного цвета, как пояснила хозяйка платья, пожилая женщина, подарившая его юной певице. Та на первом же выступлении облачилась в старинную

обновку, пела и плясала, веселясь от души. После концерта к ней подошла старушка: «Знаешь, что я хочу тебе сказать?» - «Ну, думаю, сейчас похвалит», - вспоминала артистка. А старушка спросила: «Что же ты в печальном платье веселилась?» Оказалось, что подаренное платье - траурный костюм крестьянки. Да, вышивка красивая, но орнамент на плечах складывается из крестиков, расположенных так - «+», в то время как у повседневных или праздничных одежд вот так - «х». Незнание тонкостей обернулось конфузом.

Погребальный костюм шили заново либо использовали уже готовый. В Олонецкой губернии сто лет назад записан обычай погребать покойника в той рубашке, в которой он умер. Случалось, что хоронили в новой рубашке, а ту, в которой его застала смерть, клали ему в домовину (гроб).

Погребальная («смертная») одежда.

Женская: в — рубашка; 5 — сарафан «широколямошник», деревня Б. Холуи, Каргопольский уезд Олонецкой губернии. Мужская: а — рубашка; г — штаны. Пермская губерния

«В чём венчаться, в том и скончаться», - сия пословица не иносказание: венчальная рубашка, хранившаяся всю жизнь, в некоторых местностях России служила и саваном. Предметы, в том числе и одежда, бывшие в церкви во время богослужения, имеют особое значение. Возможно, что корни этого обычая - хоронить в брачной одежде - восходят ещё к дохристианской древности. До нашего времени сохранился обычай заранее готовить себе смертную одежду. Иногда рубаху шили не до конца, оставив не вырезанным ворот или не доделав другие детали, которые доделывали покойнику уже после его смерти.

Одежду шили из домотканного холста, причём ножницами не пользовались, а рвали холст; шили на руках, не швейной машинкой, и обязательно вперёд (а не назад) иголкой. В Костромской и Саратовской губерниях шили с изнанки, стежками, узлов не делали: чтобы покойник не пришёл за кем-нибудь из семьи. В Малороссии пряжу для погребальной сорочки пряли веретеном, а не самопряхой. Вообще погребальная одежда - наиболее консервативная, не подверженная никакой «моде». Крестьяне, придерживавшиеся старины, и бедные, и богатые, надевали умершему новые лапти, даже если он при жизни их не носил: сапоги в гроб не клали, считая их модными, а «на том свете моды не надо». Лишь в Олонецкой губернии иногда хоронили в сапогах, предварительно выдернув из подошвы гвозди: в

загробном мире в них тяжело будет ходить. По той же причине малороссыяне обували умерших не в чоботы и черевики, в которых «много железа», а в постолы - мягкие кожаные туфли, собранные на ремешке вокруг ноги.

Особенно дедовских обычаев придерживались староверы. Женщин хоронили в рубахах туникообразного прямого покроя, тогда как в жизни они носили поликовые рубахи - с плечевыми вставками. Сарафан из белого холста на покойницах также был фасона, давно вышедшего из быта: в повседневной жизни его уже не носили, надевая лишь на богослужения. На мужчин надевали балахон или кафтан со сборами, служивший в жизни только моленной одеждой. В Пермской губернии рубаха-косоворотка для покойников шилась с разрезом на правой стороне, как это было принято в старинных венчальных рубахах, а не на левой, как носили в жизни.

И одевали одежду не так, как живым. Онучи завёртывали не в правую, а в левую сторону, сборки скрещивали не сзади, а спереди. Рубашка, надеваемая «на смерть», не застёгивалась ни на запонки, ни на пуговицы, а завязывалась тесьмой или гарусом. В Малороссии умершим женщинам не застёгивали сорочки на запонки, а пользовались завязками, как и при венчании; иногда их облачали в кафтаны с червонными лацканами, - также потому, что раньше в них венчались.

На умершем воротник рубахи оставляли расстёгнутым, если вдова хотела вступить во второй брак. По тем же соображениям покойника перепоясывали красным поясом и трижды перебежали дорогу.

Пояс - неременная деталь погребального костюма. Даже ребёнка хоронили обязательно в подпоясанной рубашечке из-за поверья, что при воскресении покойник должен быть подпоясанным. Иногда подвязывали рубаху у ворота и запястий.

Женщинам голову покрывали чепцом, сорокой, повойником, сверху же повязывали платок. Мужчин хоронили в шапках, либо клали её сбоку; в случае, когда священник возражал против шапки, её прятали

под подушку.

Саван как бы заменял верхнюю одежду, надевался поверх домашнего платья. Составляли его из двух-трёх полотнищ холста, сшитых друг с другом длинными сторонами и одной попе-речной так, что получался как бы мешок, одевавшийся на го-лову. Саваном обёртывали человека и накрывали его сверху. Иногда обходились и без савана, окутывая тело куском холста и обвивая длинной полосой ткани.

На Севере частью погребального костюма (и мужского, и женского) был куколь - мешкообразный головной убор из холста, одевавшийся под саван.

«Если умрёт девица, то на похоронах раздают дары, как на свадьбе», - писал В. И. Даль из Тверской губернии. Уподобляли свадьбе похороны незамужних и неженатых во многих губерниях, особенно малороссийских: по поверью, каждый должен иметь жену или мужа, иначе им не будет места на том свете. К погребальной церемонии девушек присоединялись свадебные символы и обряды: расплетали волосы покойнице, убрали её голову лентами, венком из позолоченного барвинка; выбирали старост, бояр, сваху; старост и подстарост повязывали рушниками; свахе давали в руки свечу и мич; девушкам-друзьям повязывали головы чёрными лентами; выбирали одного парубка за вдовца.

Умершему парубку также устраивали похороны-весілля. Одевали его в лучшие одежды: сорочку, штаны, пояс, жупан, в головах клали шапку с пришитым венком из позолоченного барвинка. Другой венок отдавали одной из девушек, выбранной его «невесте». По мнению этнографа Е.Г. Кагарова, обряд венчания покойников восходит к древнейшей форме погребения девушки или женщины вместе с умершим женихом или мужем.

На похоронах-свадьбе раздавали платки, рушники, одежду. Отец, если ему не удавалось сыграть сыну свадьбу, раздавал его рушники, если умершая дочь не имела незамужних сестёр, её приданое раздавалось подругам. Однако ношение одежды покойной считалось небезопасным: если из погробщины шили рубашку, то носящему её будет сниться «нябощик» (от слова «небо» - нябо-щик - ушедший на небо). Чтобы избежать беспокойных снов, одежду и постель покойного вывешивали на шесть недель в курятнике, - «чтоб петух своим криком очистил их».

У восточных славян в старину погребальные одежды шили из ткани белого цвета: мужчинам - белые сорочки и штаны, чулки, войлочные шапки; женщинам - рубаху-сорочку, сарафан, сподницу, белую свитку, белую намитку, сороку из белого холста, по очелью вышитую опять же белыми нитями. В XIX, особенно в начале XX века белый цвет, как цвет погребения и траура, вытеснился чёрным цветом. Если раньше в знак печали близкие покойного носили белые рубахи, белые платки, то теперь стали облачаться в одежды тёмных тонов. В старину - в XVIII веке и раньше - при трауре женщины носили платки внакидку, не завязывая, а просто набросив их сверху кокошников. В Рязанской губернии близкие умершего в трауре расстёгивали ворот у рубашки, женщины не надевали передника после похорон до сорока дней, а затем носили передник - обязательно белый — до трёх лет.

Умершего, а потом гроб с телом покойного клали на меховой тулуп или шубу, расстеленную волосами вверх. Шуба оставалась лежать в переднем углу девять дней после похорон. И на сороковины шубу вновь расстилали: душа умершего, полагали в старину, в последний раз приходила домой прощаться с близкими.

Земной путь человека начинался с шубы, ею же и оканчивался. «От бани до мазарок (могилки) недалече», - теперь мы, знакомые с обрядами, бытовавшими на Руси, без труда поймём эту древнюю пословицу: от рождения до смерти недалече.